

Сирения

ПЛЕННИЦА
ЗВЕЗДНОГО
ТРОНА

СИрения - Пленница звездного трона

<https://litres.ru/74491483>

Аннотация

Они украли её Земной ночью, чтобы сделать своей царицей и любовницей. Двое братьев-властителей делят её тело и душу, а их страсть опасна не меньше политических интриг. Народ требует наследницу, враги плетут заговоры, и лишь она может спасти или уничтожить их мир. Но сможет ли пленница трона удержать равновесие между желанием и властью?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	49
Глава 7	59
Глава 8	67
Глава 9	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Пролог

Юлия

Город был чужой. Даже прожив в Питере все свои двадцать два года, я чувствовала его чужеродность. Я шла по мокрому асфальту, закутавшись в плащ, и мысленно перебирала обрывки сегодняшнего свидания. Умный, глазастый аспирант из Политеха к концу вечера смотрел на меня как на красивое, но странное насекомое.

- С тобой, Юль, как-то не по-нашему, — вздохнул он, расплачиваясь за кофе. — Ты вроде тут, а глазами — где-то там, у звёзд. Это немного пугает.

- Просто задумалась, — отмахнулась я, зная, что это ложь. Ложь, которую я повторяла снова и снова. Он был не первым, кто отступал, наткнувшись на мою внутреннюю чужеродность. Крепость, построенную из снов. Не романтических грёз, а конкретных, навязчивых видений: песок, горячий под босыми ногами, исполинские силуэты пирамид...

Дома я наскоро согрелась чаем и вышла на балкон. Ночь была ясной, редкой для Петербурга. Воздух звенел от мороза. Я запрокинула голову, ища глазами знакомые созвездия. Орион, Кассиопея... И тут мой взгляд наткнулся на него. Сначала — просто яркая точка, чуть крупнее и неподвижнее других. Но затем она начала пульсировать, разрастаться. Моё сердце забилося чаще, от странного, щемящего пред-

вкушения. Так бывает, когда сбывается что-то, о чём ты давно знал, но боялся себе признать. Во рту пересохло, а в висках застучал тот самый, знакомый с детства звон — звон пирамид в пустыне. Это он, — пронеслось в голове. Мысль была не моя, а чужая, древняя, дремавшая где-то в глубинах сознания.

Объект плыл бесшумно. Его сияние было каким-то глубоким, бархатным. Он завис прямо над моим домом, заслонив собой пол неба. Я не могла пошевелиться, парализованная внутренним ошеломлением. Из днища корабля вырвался ослепительный столп света. Плотный, как жидкое золото. Он коснулся меня, и мир поплыл. «Нет...» — успела я прошептать.

Но было уже поздно. Ощущение падения сменилось полной невесомостью. Последнее, что я увидела, — огни родного города, уплывающие вниз, в бесконечно малую точку. И услышала в голове не голос, а шёпот, на языке, которого не знала, но поняла каждой клеткой: «Время пришло, дочь Ра».

Тьма поглотила меня.

Дорогие читатели!

Приветствую вас на странице литмоба “ Египетская сила”
https://litnet.com/shrt/_VGa

ПИТМОБ

Приятного чтения!

Глава 1

Каэм-Ра

Я наблюдал за ней на мониторе биометрических показателей. Землянка. Её жизненные сигналы метались — адреналин, страх, отчаяние. Предсказуемо. Примитивная нервная система, реагирующая на непостижимое как на угрозу. Я отвёл взгляд, позволив взгляду скользнуть по очертаниям моего командного зала. Стены из полированного обсидиана, в которых, словно кровь в венах, пульсировали золотые жилы энергии, перетекали в высокий сводчатый потолок, где мерцала проекция звёздных карт — глубинных маршрутов нашей Империи, пульсаров и тёмных коридоров, известных лишь нам. Теперь они стали путеводной нитью к последнему источнику спасения.

Стены едва ощутимо вибрировали от мягкого, всепроникающего гула силового ядра, питающего «Сахем». Этот звук был моим дыханием, музыкой моего существования. Корабль был не просто машиной; он был продолжением моей воли, высеченным из ядра древнего астероида, насыщенного разумными кристаллами, и оживлённым биотехнологиями, до которых её цивилизации расти ещё тысячелетиями. Капилляры силовых линий сходились к моему трону-креслу, отзываясь на малейшее нейроимпульсное желание. «Сахем» был последним великим творением угасающей расы. И

теперь он нёс нас к спасению, купленному ценою свободы другого существа.

Миссия. Слово отдавалось горьким, металлическим привкусом на языке, словно я разжевал крошечный кусочек той самой звезды, что дарила нам жизнь, но теперь выжигала изнутри. Отчаянный рывок за спасительной соломинкой. Мой народ, потомки тех, кто диктовал законы звёздам, строил мегалиты на молодых планетах и сеял семена жизни в безжизненном космосе, вырождался. Не от войны, не от катастрофы. От изящного, неумолимого проклятия собственного совершенства. Женские линии угасали одна за другой, оставляя после себя стерильное великолепие дворцов, наполненных бездетным смехом, и лабораторий, где мы пытались обмануть собственную биологию. Мы, правители, Стражи Кольца, стали хранителями гибнущего музея под куполом искусственной атмосферы. И эта девушка... эта Юлия... была последним клочком надежды, найденным в результате векового, тотального сканирования Галактики. Её геном содержал рецессивный маркер, чистый, первозданный, не тронутый нашими многовековыми попытками исправить собственную ошибку. Ошибку селекции, начатую ещё на берегах Нила, когда мы, возомнив себя творцами, решили отточить собственную природу, отсеять «лишнее», и в итоге отсекли саму возможность продолжения. Мы играли в богов, не думая о цене, и теперь расплачивались молчанием колыбелей.

Для меня она не была женщиной. Она была сосудом. Инструментом. Живым артефактом, драгоценнее любой реликвии, который нужно было доставить, сохранить в идеальной целостности и использовать для регенерации кода. Её страх, её протесты — всё это было помехами в сигнале её ДНК, которые предстояло неумолимо подавить. Я видел на мониторе, как она бьётся в клетке-каюте, спроектированной как комфортабельные покои, но всё же остающейся клеткой, и чувствовал лишь холодное раздражение, смешанное с усталостью. Неужели она не понимала величия предназначения? Её жалкая земная жизнь, полная дождей, несовершенных отношений и тленного искусства, в обмен на спасение целой цивилизации, на продолжение линии, уходящей в глубь веков дальше, чем её планета существует как геологическое тело? Это был акт милосердия по отношению к её биологической сущности, которая наконец-то обретёт истинное применение.

Бесшумная панель в стене, замаскированная под поток золотых жил, отъехала, впуская Сехем-Анха. Мой брат. Его лицо, всегда более мягкое, чем моё, с менее жёстким изломом бровей и большей теплотой в глазах цвета тёмного янтаря, сейчас было омрачено грызущей тревогой, что преследовала его с момента, когда мы активировали протокол похищения.

— Она пришла в сознание, — доложил он, подходя к

центральному голографическому столу. Его голос был тише обычного. Над столом плавала трёхмерная проекция де-вушки, её анатомическая схема, подсвеченная синим, с очагами активности — мозг, сердце. Сердцебиение отображалось частой, неровной алой пульсацией, как трепет пойманной птицы.

— Я знаю, — произнес я, даже не глядя на проекцию. — Уровень стресса зашкаливает. Недопустимо. Нужно будет ввести снотворное перед первым осмотром. Нельзя рисковать целостностью тканей.

— Каэм... — Сехем-Анх сделал паузу, опустив взгляд на свои руки, выбирая слова. Это его вечная, утомительная привычка, которая всегда меня раздражала. Прямота была добродетелью воина и правителя, а не роскошью для философа. — Может быть, стоит пойти другим путём? Не сразу. Дать ей время. Объяснить ... показать звёздные карты, историю. Какая честь, какая судьба ей выпала?

Я резко повернулся к нему, и энергетические линии на полу под моими сапогами вспыхнули чуть ярче. Он невольно отступил на шаг, почувствовав волну исходящего от меня давления.

— Честь? — моё слово прозвучало как щелчок бича. — Ты говоришь о чести и судьбе с испуганным зверьком, попавшим в капкан? Она не поймёт. Её мир ограничен бетонными коробками, примитивными социальными связями и химическими всплесками, которые она называет любовью. Ей

нужно не объяснение, а приказ. Порядок. Жёсткость. Я сделаю её покорной, брат. Это мой метод. Он эффективен.

— Но пророчество... — начал Сехем-Анх.

— Пророчество! — я с силой ударил кулаком по подлокотнику, и удар отдался низким гулом по всему залу. — «Лишь земная, рождённая под чужим солнцем, принесёт равновесие крови и духа. Но силой не склонишь её сердце, и огонь принуждения обратится пеплом в устах того, кто сеет страх». Я помню каждое слово, каждую черту, выжженную в скрижалях. Я изучал их, когда ты ещё играл со световыми мечами в садах Аменти. Но что есть «равновесие», если не выживание нашего вида? Что есть «дух», если нет тела, чтобы его вместить? Я не собираюсь ломать её сердце. Мне нужно её тело. Его генетический материал. Его биологическое послушание. Сердце... сердце можно успокоить, обмануть, перепрограммировать. Или просто игнорировать.

Мы стояли друг напротив друга, и между нами висело молчание, как межзвёздная среда, полная старых, неизжитых разногласий. Он, младший, видел в ней личность, душу, уникальное сознание. Я, видевший, как гаснут глаза последних детей, — только функцию, ключ к замку. Он верил в тонкость, в убеждение, в магию древних слов. Я — в силу, в точный расчёт, в неотвратимость логики выживания.

— Она не ресурс, Каэм-Ра. Она — женщина, — проговорил он.

— Она — единственный шанс, — холодно, отчеканивая

каждый слог, парировал я. — И я не позволю твоей сентиментальности, твоим детским иллюзиям о «священной связи» этот шанс уничтожить. Твоя задача — обеспечить её физическую стабильность, а не размышлять о метафизике. Готовь её к ритуалу Проверки Крови. Полный спектр, с активацией архаичных цепочек. Пора подтвердить чистоту генома, увидеть маркер своими глазами. Всё остальное — эмоции, страх, сопротивление — несущественно. Это пыль на скафандре. Её стряхнут.

Я отключил экран.

- Подготовьте её к лингвистической имплантации, — мысленно отдал я приказ кораблю. — Стандартный протокол. Я хочу, чтобы она понимала нас с первого контакта. Её страх от непонимания — бесполезный шум, мешающий работе.

Сехем-Анх молча кивнул, его взгляд снова, против моей воли, скользнул к мерцающему изображению Юлии, где алая точка сердца продолжала свой лихорадочный танец. В его глазах, в складке у рта, читалось не просто сомнение или жалость. Читалось глубинное, фундаментальное неповиновение той догме, на которой я строил наше спасение. Я это видел. Я это считывал, как прибор считывает колебания магнитного поля. И запоминал. Судьба целого народа, миллиарды жизней, которые уже никогда не родятся, вся тяжесть истории, давящая на мои плечи, — всё это не могло быть поставлено на карту из-за мягкосердия и философских терзаний моего брата. Инструмент должен быть использован. Та-

кова неизбежная, железная цена нашего будущего. И я готов был заплатить её сполна, даже если эта цена включала в себя слом воли этого земного создания и, возможно, последние остатки симпатии того, кто был мне когда-то не только братом, но и соратником. В холодной математике спасения не было места для переменных чувств.

Глава 2

Юлия

Сознание возвращалось ко мне медленно, будто я всплыла со дна тёмного океана, где время теряет смысл. Сначала — чисто физическое ощущение: я лежала на чём-то невероятно мягком и прохладном. Шёлк. Настоящий шёлк скользил под моими непослушными пальцами. Я боялась открывать глаза, всем телом ожидая боли, жгучего удара по нервам или того самого ослепительного, растворяющего луча. Мои веки казались свинцовыми. Но когда я, преодолевая внутренний страх, всё же разлепила их, то увидела только золото.

Я была в круглой комнате без окон, без видимых дверей, без углов. Всё — стены, плавно, без единого шва переходящие в невысокий купол, даже по сиял внутренним светом, будто был вылит из цельного куска золота или вырезано из янтаря. Свет исходил от самих стен, из их толщи, где мерцали и пульсировали тонкие, как паутина, серебряные прожилки. Они тянулись, разветвлялись, сходились в узлы, как схемы на микропроцессоре. Я застонала, прижав ладони к голове. Сквозь боль я почувствовала странное ощущение — будто миллионы невидимых червей шевелятся в моём сознании, выстраиваясь в новые узоры. Это длилось недолго, но было невыносимо.

Когда боль отступила, я обнаружила, что могу понять над-

писи на стенах. Сложные иероглифы теперь складывались в слова: «Жизнь», «Сила», «Вечность». Я понимала их не как перевод, а как непосредственное знание. Это было так же естественно, как дышать.

Я попыталась сесть, и тело отозвалось глухой, разлитой по всем мышцам болью, как после долгого падения или сильнейшего удара. Каждая клеточка ныла. Оглядев себя, я обнаружила, что на мне не моя одежда. На мне было какое-то странное платье из белого тонкого льна — прямое, бесформенное, с широкими лямками, перекрещенными на груди. На ногах — мягкие, невероятно удобные сандалии из золотистой, тончайшей кожи. Выглядело это всё... как костюм из дорогого исторического фильма про Древний Египет. Меня переодели. Пока я была без сознания.

— Где я? — прошептала я, и мой собственный голос, прозвучал чудовищно громко.

Паника, до этого сдерживаемая шоком и неверием, подкатила к горлу комом. Я встала, пошатываясь, едва удерживая равновесие на непривычно мягком полу, и почти побежала к стене. Она была идеально гладкой и на ощупь — чуть тёплой. Я начала бить по ней ладонями, сначала слабо, потом всё отчаяннее, искать хоть какую-то щель, углубление, кнопку, малейшую неровность! Мои удары были беззвучными, стены поглощали всю звуковую энергию.

— Откройте! Выпустите меня! — закричала я, уже не

стесняясь, и мой голос, отражённый идеально круглыми стенами, вернулся ко мне искажённым, полным дикого отчаяния. — Я хочу домой!

И в этот момент часть стены прямо передо мной — бесшумно растворилась, исчезла, превратившись в золотистый туман и открыв проём. В нём, озарённые мягким светом из коридора стояли двое мужчин. Тот, что был ближе и казался выше из-за осанки, был мощного телосложения, одетый в облегающий тёмно-серый комбинезон без единой молнии или кармана, лишь с тонкими зигзагообразными серебряными линиями, сходявшимися на груди. Его лицо с резкими, словно высеченными из гранита чертами, было непроницаемо. Но больше всего меня поразили глаза: они были слишком большими, темными, миндалевидными, и в них светились вертикальные зрачки, как у кошки, отражающие тот самый золотистый свет. В них не было ничего человеческого — ни любопытства, ни злобы, только холодная ясность. Рядом с ним стоял другой — пониже, стройнее, в таком же комбинезоне, но синего оттенка. Его лицо, хотя и столь правильное, казалось более человеческим: в уголках губ залегла тень усталости или печали, а в тёмных, без кошачьего блеска, глазах читалась сложная, напряжённая мысль.

Я отпрянула назад, наткнувшись на край того самого шёлкового ложа. Они вошли, и стена за их спинами мгновенно сомкнулась, восстановив свою идеальную гладь. Комната, и без того небольшая, сразу стала казаться тесной клеткой, на-

полненной их нездешним, давящим присутствием.

— Верните меня домой! — выпалила я первое, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. Пусть они не видят, как у меня трясутся колени. — Сию же минуту! Это похищение!

Мужчина с кошачьими глазами осмотрел меня с ног до головы. Его взгляд был тяжёлым, физически ощутимым, оценивающим. Бесстрастным.

— Ты находишься на корабле «Сахем», — произнёс он. Голос был низким, бархатистым, он вибрировал на какой-то странной, непривычной для уха частоте, отчего звучал прямо у меня в ушах, почти внутри черепа. — Я — Каэм-Ра. Это мой брат, Сехем-Анх.

Каэм-Ра. Сехем-Анх. Имена звучали странно, певуче, по-древнеегипетски, отсылая к тому самому песку и пирамидам из моих снов, и от этого ассоциативного ужаса не становилось менее страшно. Это была какая-то извращённая, кошмарная реализация тех самых видений.

— Мне всё равно, как вас зовут! — крикнула я, чувствуя, как горячие, предательские слёзы подступают к глазам, сдавливая горло. Голос срывался на визг. — Я требую вернуть меня обратно! На Землю! Вы не имеете права!

— Требовать? — Каэм-Ра слегка склонил голову, и уголок его рта дрогнул в чём-то, отдалённо напоминающем усмешку, но лишённой всякой теплоты. — Ты ничего не можешь требовать, землянка. Ты здесь, потому что мы этого хотели.

Потому что это необходимо. Твоя прежняя жизнь, со всеми её мелкими заботами и иллюзиями, закончилась в момент, когда наш луч коснулся тебя.

От этих слов, произнесённых с леденящей интонацией, меня бросило в жар, а потом резко пронзило холодом. «Закончилась». Так вот просто. Как перечёркнутая строчка. Несмотря на страх, в груди вспыхнула бессильная ярость.

— Вы не имеете права! — повторила я, мои ноги подкосились, и я почти упала на шёлковое ложе.

— Право? — вступил в разговор тот, что назвался Сехем-Анхом. Его голос был тише, мягче, в нём не было той резонирующей вибрации. Он звучал почти по-человечески. — Речь идёт не о праве, основанном на законах твоего мира. Речь идёт о необходимости более высокого порядка. Ты необходима для выживания нашего народа.

Я смотрела на них, переводя взгляд с одного на другого, не в силах найти слов. Мозг отказывался складывать эту картинку в целое. Космический корабль. Золотые комнаты без дверей. Люди с кошачьими глазами. Разговоры о выживании целого народа, в котором я, Юля из Петербурга, вдруг стала ключевым элементом. Это было похоже на самый ужасный, затянувшийся бред, на психоз, от которого я вот-вот очнусь в палате.

— Я... я обычный человек, — прошептала я, и это прозвучало как последнее заклинание против этой безумной реальности. — Вы ошиблись. Допустили ошибку. Отвезите ме-

ня обратно, и я... я ничего не расскажу. Забуду.

— Ошибки здесь нет, — холодно, не оставляя никакой лазейки для надежды, парировал Каэм-Ра. Он не повышал голос, но каждое его слово било с железной убеждённостью. — Мы потратили на поиски столетия. В твоей крови, в самой глубине твоего генома, есть то, что мы давно, по собственной глупости, потеряли. Ты — не ошибка, ты — найденная реликвия. Наш последний шанс. И ты будешь делать то, что мы скажем. В твоих интересах — понять это быстро.

Он сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию, и я невольно, рефлекторно отпрянула к стене, как животное, забившееся в угол. Его кошачьи зрачки сузились в тонкие вертикальные чёрточки, уловив мой страх, проанализировав его.

— Привыкай. Сопротивление — пустая трата энергии. Твоей и нашей.

С этими словами он развернулся и вышел. Стена снова растворилась и сомкнулась за ним, не оставив и намёка на проход. Сехем-Анх остался. Он не приближался, стоя посреди комнаты, и смотрел на меня не так, как его брат. В его тёмных, человеческих глазах читалось что-то сложное и мучительное — не то жалость, не то сожаление, не то внутренний конфликт, который он не решался высказать.

— Отдохни, — тихо сказал он после паузы. Его слова прозвучали как попытка утешения. — Тебе потребуются силы. Позже... мы попытаемся всё объяснить. Насколько это будет возможно.

И, бросив на меня ещё один долгий, нечитаемый взгляд, он тоже повернулся и исчез за мгновенно материализовавшейся и вновь ставшей монолитной стеной.

Я осталась одна. Теперь я знала их имена. Каэм-Ра, Сехем-Анх. Знание не принесло понимания. Оно только дало форму моему страху, назвало его. От этого не стало легче. Стало только страшнее, потому что абстрактные «похитители» превратились в конкретных существ с волей, технологиями и своей неумолимой логикой. Я была их пленницей. И что бы ни значили эти высокопарные слова о «шансе», «необходимости» и «выживании народа», я понимала одно: для них, и особенно для того, Каэма-Ра с глазами хищника, я была всего лишь вещью. Биологическим артефактом. Сейчас — ценной, возможно, уникальной вещью. Но вещью. А вещи не спрашивают, куда их хотят переместить, и не спорят о своём предназначении. Меня охватило полное, всепоглощающее одиночество.

Глава 3

Сехем-Анх

Я наблюдал за её жизненными показателями на голографическом экране в своих покоях. Изображение было трёхмерным, полупрозрачным, висящим в центре комнаты подобно призраку. Ритм сердца Юлии постепенно выравнивался, замедлялся, подчиняясь биологическим часам, требовавшим отдыха. Но волны стресса, отображаемые бирюзовыми линиями нейронной активности и алыми всплесками кортизола, ещё прокатывались по графику, выгибаясь острыми, безжалостными пиками. Каждый такой пик был немым криком. Теперь все линии пошли на спад, сливаясь в ровную, усталую пульсацию. Она заснула. Физическое и психическое истощение взяло верх над страхом. Бегство в сон — единственное, что оставалось её измученному, захлёбывающемуся от перегрузок сознанию. Это было примитивно, по земному, и от того вызывало во мне жалость.

Каэм-Ра, наблюдай он сейчас этот же экран, видел бы в этих кривых лишь биологические данные. Показатели жизнеспособности образца, стабильности его системы, готовности к дальнейшим процедурам. Цифры, проценты, прогнозы. Для меня же это была мука, переведённая на язык диаграмм. Музыка души, попавшей в стальную ловушку. Музыка боли, страха и полнейшей потери ориентации. Я слышал

её сквозь безмолвие данных.

Мой брат... Он всегда, с самых детских игр в Световых Лабиринтах дворца, мыслил категориями силы, эффективности и неумолимого долга. Империя, народ, выживание вида, священная миссия Стража. Высшие цели, которые, подобно гигантским звёздным прессам, оправдывали и сплющивали любые «мелкие» средства: жизни, свободы, чужую волю. Я же, будучи младшим, рос в его тени и потому, возможно, имел роскошь видеть не только лицевую, парадную сторону этой мощи, но и её изнанку — трещины, смазанные ритуальным маслом, боль, заглушённую гимнами. Я помнил, помнил слишком хорошо, лица тех, кто был до неё. Принцесс из соседних систем Сириуса и Плеяд, могущественных жриц с Арктура, воительниц с алмазными имплантами. Их привозили с почестями или завоёвывали как трофеи. Всех их, таких разных, сияющих и гордых, свела в преждевременные мраморные гробницы одна и та же навязчивая идея — возродить угасающий род Арат. Они были для Каэма не сосудом, не личностями, а... удобрением. Особым, драгоценным биологическим субстратом, который, увы, не взошёл на нашей истощённой почве. И Каэм-Ра смотрел на их угасание, на потухание света в некогда ярких глазах, с тем же холодным, отстранённым сожалением, с каким главный инженер смотрит на вышедший из строя, хорошо собранный, но неудачно спроектированный механизм. «Жаль. Ресурсы потрачены. Ищем следующую переменную».

Но эта... землянка. В её глазах, полных слёз и жгучей ярости, когда она кричала на нас, не было ни капли той покорности, того принятия «высшего долга», которым были напичканы знатные невесты. Не было и тени расчётливого интереса или честолюбия. Только чистый ужас перед непостижимым. И огонь. Дикий, первозданный огонь сопротивления, который вспыхивал даже сквозь этот ужас. Тот самый огонь воли к жизни, который мы, Вознесённые, возможно, растеряли за тысячелетия своего отлаженного, безопасного, предопределённого с рождения «величия». Мы забыли, что такое биться в абсолютно безнадёжной клетке. Каэм-Ра считал, что этот огонь — помеха, слабость, которую нужно погасить, сломав волю. Приручить силой и неотвратимостью происходящего. Я же чувствовал — силой, давлением, страхом мы ломаем последнее, что может нас, в конечном счёте, спасти. Не просто геном. А то, что делает этот геном живым, активным, возможным. Её дух. Её непокорную, хрупкую и такую сильную человеческую сущность.

Пророчество, выгравированное на Скрижалях, гласило: «Лишь земная, рождённая под жёлтым солнцем в забытом саду, принесёт равновесие крови и духа. Но силой не склонить её сердце, и огонь принуждения обратится пеплом в устах того, кто сеет страх». Каэм-Ра, прагматик до мозга костей, игнорировал вторую часть, считая её поэтической метафорой, мистическим сором, который древние жрецы добавили для веса. «Сердце склоняется необходимостью вы-

живания, брат. А необходимость — это и есть сила». Я же читал и перечитывал эти строки и видел в них не метафору, а прямое, технологичное указание, возможно, основанное на знании психобиологии. Её сердце, её доверие — критический компонент успеха. Их нельзя захватить, как корабль. Их нужно завоевать, как союзника на сложнейших переговорах. Мой долг, согласно древнему Кодексу, предписывал делить её с братом. Этот закон — пережиток тех тёмных времён, когда два наследника престола должны были делить всё: власть, ресурсы, жён — чтобы избежать братоубийственной распри и сохранить единство крови. Смешно и чудовищно в нашу эпоху, но Каэм настаивал на его соблюдении. «Традиция — каркас в шторм, Сехем-Анх. Не ломай его». Но глядя на её стройную, сжавшуюся фигурку на мониторе, я чувствовал не долг, не холодное принятие необходимости. Я чувствовал... пробуждение. Влечение. Не просто физическое, хотя её земная красота, дикая, неотёсанная, лишённая генетических корректировок, будоражила кровь чем-то запретно-первозданным. Меня притягивала, как магнит, её стойкость. Её ярость, такая живая по сравнению с нашей утончённой меланхолией. Она была личностью. Существом с внутренним миром, который кричал, даже когда она молчала. А Каэм-Ра видел в ней функцию, биологическую функцию с приложенным набором неудобных психологических помех. И этот фундаментальный конфликт в восприятии висел между нами в командном зале не просто тяжёлой

завесой непонимания — он висел холодной, острой гранью будущего раскола.

Я резким движением пальца отключил экран. Голограмма схлопнулась в точку и исчезла. Я знал, что должен сделать. Прямо сейчас. Пока Каэм-Ра погружён в расчёты траекторий и готовит аппаратуру для проверки крови. Я должен был, обязан был попробовать свой. Если пророчество право, то мой путь — единственно верный.

Я вышел в главный коридор, освещённый тем же мягким золотым светом, что и всё остальное. Следы моих шагов поглощались эластичным покрытием пола. Стража у двери её покоев — два воина из клана Сокола, с характерными жёсткими, ястребиными чертами лица и неподвижными глазами-датчиками, — молча, синхронно склонила головы, пропуская меня. Их присутствие было ещё одним знаком отношения Каэма к пленнице: ценность под охраной. Я вошёл, и стена сомкнулась за мной.

Она спала, сжавшись в тугой, защитный комок посреди огромного, нелепо большого для неё ложа из шёлка. Даже во сне, в этом царстве бессознательного, её тело не находило покоя. Лицо, такое молодое и гладкое, было искажено гримасой глубокого страдания, брови сведены, губы подрагивали. Одна рука сжата в кулак и прижата к груди. Я постоял несколько мгновений, наблюдая за ней, стараясь дышать тише. Какое великое, трагическое безумие — искать спасение целой цивилизации, наследницы звёздных империй, в созда-

нии с далёкой, забытой нами же, пыльной планеты на задворках спирального рукава. В этом был какой-то унижительный, но очищающий парадокс.

Она шевельнулась, вздохнула сдавленно и открыла глаза. Сознание вернулось к ней быстро, вместе с памятью. Увидев меня, стоящего в полумраке, она резко села, отползая к изголовью, и обхватила руками колени, вжавшись в него, стараясь стать меньше. Классическая защитная поза позвоночно-го, застигнутого хищником в логове. Глаза, широко открытые, полные недоверия, неотёсанного страха и вопроса, на который у неё не было ответа.

— Уходите, — прошептала она.

Я не двинулся с места, оставаясь у входа, давая ей пространство.

— Мне жаль, — сказал я тихо, намеренно опуская громкость и ту странную резонансную частоту, что свойственна нашим голосам. Пусть звучит максимально «по-человечески». — Мне искренне жаль, что всё началось для тебя именно так. Со страха, с насилия. Мы не хотели причинять тебе боль.

— Похитить человека, вырвать из его жизни — это и есть причинение боли! — она бросила мне в лицо эти слова, и в них, обжигающих, была вся горькая, неоспоримая правда её мира. В её вселенной это был абсолют, аксиома.

И я согласился. Потому что это была правда.

— Ты права, — признал я, не опуская глаз. Это, кажет-

ся, удивило её, сбило с толку. Она инстинктивно готовилась к оправданиям, к давлению, к очередной лекции о «великой цели». Моё простое согласие обезоружило. — Абсолютно права. С точки зрения твоего мира, твоих законов, твоих чувств — это акт насилия и причинение невыразимой боли. И я не прошу прощения, ибо понимаю, что оно ничего не изменит для тебя сейчас. Но, Юлия... иногда в истории случаются моменты, когда один ужасный, несправедливый поступок, каким бы чудовищным он ни был, может предотвратить гибель миллионов других существ. Наш народ... мы вымираем. Не от войны, не от болезни. От того, что колыбели пустуют веками. Ты — не первая, кого мы ищем. Ты — последняя найденная надежда. Последний ключ, который, возможно, подходит к замку.

Она смотрела на меня, не мигая, и я видел, как в её глазах, этих удивительных, глубоких глазах цвета земного леса, страх постепенно начал разбавляться чем-то иным. Любопытством отчаяния. Она услышала не приказ, не угрозу, а страшное, но честное объяснение. Пусть это объяснение и было для неё кошмаром, но оно имело причину, логику, пусть и чужую.

— Почему я? — спросила она уже тише, и голос её дрогнул. Это был уже не крик, а вопрос. — Я же никто. Я студентка. Я из Питера. Я...

— Потому что в тебе, в самой глубине твоих клеток, есть то, что мы утратили, пытаясь себя усовершенствовать, — пе-

ребил я мягко. — Чистота определённых цепочек. И сила, о которой ты сама, возможно, не подозреваешь. Она проявлялась в твоих снах, не так ли? Песок. Камень. Пирамиды. Это не просто фантазии. Это генетическая память. Отголосок нашей первой встречи с твоим миром, запечатлённый в предках, которых мы когда-то... создали или изменили.

Я сделал осторожный шаг вперёд, всего один, сокращая дистанцию не для устрашения, а для разговора. Она напряглась, но не отпрянула, не закричала. Её пальцы лишь сильнее впились в собственные колени. Это был маленький, но невероятно важный знак. Прорыв сквозь стену чистого ужаса.

— Каэм-Ра... мой брат, — я произнёс это имя, следя за её реакцией. — Он видит только цель. Конечный результат. Он — стратег, а стратеги мыслят цифрами и вероятностями. Но я... — я коснулся рукой груди, где под комбинезоном билось сердце, чей ритм, наверное, сейчас тоже был бы неровным на мониторе. — Я вижу тебя. Вижу боль в твоих глазах. Вижу человека, попавшего в машину, смысла которой он не понимает. И я хочу, чтобы ты поняла. Не для того, чтобы покориться, а для того, чтобы... выжить в этом. Сохранить себя.

Она молчала, глядя на меня. Долго. В тишине комнаты, нарушаемой только едва слышным гулом корабля, я впервые увидел в её взгляде не просто отражение её страха. Я увидел осознание. Медленное, мучительное, как подъём из-под воды, осознание масштаба катастрофы, в которую она попала.

— Отдохни, — повторил я, делая шаг назад к выходу, воз-

вращая ей ощущение безопасности. — Никто не причинит тебе вреда, пока ты здесь. Это я обещаю.

Я развернулся, дал стене раствориться передо мной и ушёл, не оглядываясь. Я оставил её с семенем. Крошечным, хрупким семенем понимания. Зерном доверия к одному из двух похитителей. Теперь предстояло самое сложное: взрастить его, поливая правдой, но не подавляя её свободную волю. И я чувствовал, как это желание — защитить её, донести до неё сложность нашей трагедии, понять её мир — перерастает во что-то большее, чем долг или стратегический расчёт. Оно переросло в то самое личное влечение, которое могло стать для меня роковым. Ибо делить женщину, к которой чувствуешь не холодный долг по Кодексу, а трепет, смешанный с восхищением и жалостью, с братом, видящим в ней лишь функциональный инструмент и возможный источник конфликта... это был прямой путь к расколу. Расколу не только между нами, братьями, но и внутри меня самого. Конфликту, которого наша и без того еле дышащая, доживающая последние циклы цивилизация могла попросту не пережить. Я шёл по коридору, и тяжесть этого нового понимания давила на плечи почти физически, смешиваясь с запретной, опасной теплотой, поселившейся в груди.

Глава 4

Юлия

На следующий раз меня разбудило мягкое, постепенное усиление сияния золотых стен. Оно не было похоже на восход солнца — не было направления, теней, просто вся комната плавно набирала яркость, переходила из состояния глубокого ночного золота в состояние дневного, всё ещё искусственного свечения. Я лежала неподвижно, глядя в идеально ровный купол потолка, где серебряные прожилки теперь пульсировали чуть быстрее, и пыталась снова и снова убедить себя, что всё это — страшный, затянувшийся, невероятно детальный сон на нервной почве. Сейчас я проснусь в своей узкой, но такой родной кровати под противную трель будильника, и пойду на пары по культурологии, где буду думать о вечном и зевать. Но прохлада настоящего шёлка, скользящего под моими неподвижными пальцами, и та самая абсолютная, звенящая тишина, что давила на барабанные перепонки и создавала ощущение вакуума, были ужасающе, неопровержимо реальны.

Внезапно, без всякого звука, часть стены прямо напротив ложа растворилась, превратившись в золотистую дымку. На пороге стоял Сехем-Анх. Он был один. На нём был всё тот же комбинезон, но на груди висело серебряное ожерелье с тёмным, мерцающим камнем. Взгляд его был, как и вчера, спо-

коен, внимателен и отмечен лёгкой, привычной усталостью в уголках глаз. Он не выглядел враждебно, но и дружелюбия в нём не было — лишь нейтральная, изучающая собранность.

— Тебе нужно осмотреться, — сказал он без предисловий и без вчерашних намёков на жалость. — Сидеть в четырёх стенах — путь к безумию для разума твоего типа. Ты должна увидеть, понять масштаб и контекст того, где ты оказалась. Это не поможет смириться, но поможет... сориентироваться.

Я просто молча кивнула, оттолкнувшись руками от ложа и вставая. Что ещё, в самом деле, оставалось делать? Сидеть в этой роскошной золотой клетке, биться головой о стены и медленно, но верно сходить с ума от беспомощности и неведения? Любопытство, пусть и продиктованное инстинктом осмотреться на новой территории, где тебе угрожает опасность, было сильнее страха. Ненамного, но сильнее.

Выйдя в коридор, я невольно ахнула. Если моя комната была роскошной, но аскетичной тюрьмой, то, что я увидела, превосходило любые, даже самые смелые представления, почерпнутые из фантастических фильмов и книг. Коридор был не просто проходом — он был грандиозной галереей, уходящей в обе стороны на неопределённое расстояние, таким высоким, что голова слегка закружилась. И стены его... они не были просто золотыми. Они были покрыты барельефами невероятной сложности. Бесконечные ряды иероглифов, которые были похожи на земные египетские — но более геометричными, угловатыми, казалось, что эти знаки не просто

несут смысл, но и являются частью какой-то схемы. Между надписями разворачивались сцены охоты на невиданных зверей, похожих на саблезубых львов, но с перепончатыми крыльями и гребнями вдоль хребта, битвы с сияющими воинами в доспехах, звёздные карты с соединёнными линиями, образующими трёхмерные созвездия... Всё это не было статичным. Свет исходил изнутри самих изображений, переливаясь разными оттенками — от медового золота до холодного серебра и глубокого лазурита, и казалось, что сцены слегка движутся, живут своей тихой, замедленной жизнью. Это была летопись, высеченная в самом материале корабля или дворца.

Но самое жуткое началось, когда я обратила внимание на ниши, расположенные через равные промежутки вдоль стен. В них стояли неподвижные, величественные фигуры воинов в доспехах, с шлемами, закрывающими лица в виде голов соколов или шакалов. Сначала я, поражённая общим величием, приняла их за изделия из металла или тёмного камня, произведения искусства. Пока мы не поравнялись с одной из них. И тогда статуя... плавно, без скрипа, повернула голову. Совершенно механическим движением. Его глаза, сделанные, как мне показалось, из кусков зелёного, светящегося изнутри камня, проводили меня долгим, безэмоциональным, сканирующим взглядом, прежде чем голова так же плавно вернулась в исходное положение. У меня похолодело внутри. Это были не статуи. Это были живые люди или... су-

щества, замершие в неподвижности с такой нечеловеческой, абсолютной выдержкой, что их действительно можно было принять за камень. Стражники. И их здесь были десятки.

Сехем-Анх, заметив мой испуг, лишь слегка кивнул, как бы подтверждая догадку, и повёл меня дальше, вглубь этой сверкающей, безмолвной галереи. Мы миновали несколько ответвлений, таких же роскошных и безлюдных, и наконец вышли на просторную, круглую галерею.

Вместо окон здесь были огромные, от самого пола до потолка, арки. И за ними открывался вид... на другой мир. Не на космос, не на звёзды, а на инопланетный пейзаж невероятной, подавляющей красоты. Багровое, густое небо, больше похожее на вечные сумерки, чем на день или ночь. И на этом небе висели, застилая его собой, две огромные луны. Одна — цвета расплавленной, раскалённой меди, испещрённая тёмными пятнами морей и яркими огненными трещинами, будто её ядро светилось сквозь тонкую кору. Другая — сияющая, мёртвая, вся в шрамах ударных кратеров и глубоких трещин, холодная и отчуждённая. Они висели так близко, что казалось, их можно потрогать рукой, и их свет, медно-красный и пепельно-серый, смешивался в призрачное, зловещее сияние. А под этим небом простиралась пустыня. Бескрайнее, холмистое море красного песка, на котором, как доисторические корабли или спящие чудовища, стояли строения. Это были гигантские, поражающие воображение пирамиды, зиккураты, остроконечные обелиски, колоссальные сфинксы

с нечеловеческими лицами. Они были сделаны из материалов, сверкающих даже в этом тусклом свете: золота, серебра, чёрного обсидиана, тёмно-синего лазурита. Они соединялись между собой ажурными, невесомыми мостами, висящими в воздухе без видимой опоры, и по этим мостам, как кровяные тельца по капиллярам, двигались крошечные, сверкающие точки — транспорт или живые существа. Города-оазисы в море мёртвого песка. Это было одновременно потрясающе красиво, величественно, как самые смелые фантазии художника, и чудовищно, невыразимо чуждо. Ни зелени, ни воды, ни намёка на жизнь вне этих искусственных, геометрических конструкций. Мир металла, камня и песка.

— Это наш дом, — тихо сказал Сехем-Анх, остановившись рядом со мной и тоже глядя в арку. Его голос прозвучал приглушённо, с оттенком горькой гордости и тоски. — Планета Хор-Дешет. На древнем наречии — «Земля Богов», «Священная Земля». Так называли её наши предки, когда ступили на этот песок и решили построить здесь вечную твердыню.

Я не могла оторвать глаз. Каждая деталь, каждый блеск на далёкой пирамиде, каждый изгиб моста подтверждал кошмарную реальность. Я находилась не просто на корабле. Я была на другой планете. В другой звёздной системе. Пропасть между мной и моим старым миром стала астрономической. Тоска по дому сжала горло острой, физической болью.

Мы шли дальше, покидая галерею и углубляясь в беско-

нечные лабиринты дворца, который, как я теперь понимала, был частью одного из этих гигантских сооружений. Встречные... люди?... существа?... расступались перед Сехем-Анхом, и низко, почтительно склоняли головы. Но их взгляды, брошенные на меня, были острыми, колючими, как иглы дикобраза. Мужчины в струящихся, богато расшитых золотыми нитями одеждах, с бледными, измождёнными лицами и слишком большими глазами, смотрели с холодным, аналитическим любопытством, как на редкий, возможно опасный экспонат. Женщины — их было меньше — в драгоценных, прозрачных тканях, облегающих стройные тела, с сложными головными уборами в виде стилизованных птиц или звёзд, смотрели иначе. Их взгляды, полные незамутнённой ненависти, презрения и... страха, прожигали меня насквозь. Они что-то шептали друг другу на своём гортанном, певучем языке, полным щелкающих и шипящих звуков, и по их ядовитым, кривым улыбкам, по быстрым, оценивающим жестам, я понимала, что говорят они обо мне. И ничего хорошего. Я была для них чумой, грозящей их устоявшемуся миру, или конкурентом за внимание правителей. Возможно, и тем, и другим.

Потом, в одном из менее роскошных коридоров, я увидела девушку. Она резко отличалась от всех встреченных ранее. Её одежда была простой, из грубоватой ткани песочного цвета, похожей на лён, волосы стянуты в простой узел, на ногах — сандалии, подобные моим, но более потёртые. Она

несла большой, глиняный кувшин, и её глаза, опущенные в пол, были полны такой выученной покорности, что стало ясно — рабыня. Когда мы поравнялись с ней, она, заметив Сехем-Анха, буквально вжалась в стену, застыв, словно та самая статуя-стражник, и затаив дыхание. Сехем-Анх, не удостоив её взгляда, прошёл вперёд. Я же, движимая внезапным порывом, замедлила шаг. В этом существе, лишённом всякого лоска и величия, я увидела кого-то... ближе к себе. Кто тоже боялся.

— Эй, — тихо сказала я ей по-русски, прекрасно понимая всю бессмысленность этого жеста, но отчаянно needing увидеть в её глазах хоть искру простого человеческого отклика, а не ненависти или холодного расчёта. — Эй, — повторила я, но уже на их языке. Слова выходили неуверенно, но это был тот же гортанный язык, на котором говорили братья. Лингвистический имплант, вживлённый в меня, работал, выуживая из памяти нужные звуки. — Ты меня понимаешь?

Девушка вздрогнула и подняла на меня глаза. В них был не просто ужас, а шок от того, что «богиня» заговорила с ней на её языке. Она что-то прошептала, и я наконец-то поняла: «Нут-тер... Прости, великая Нут-тер, не гневайся!»

Девушка вздрогнула так, как будто её ударили током. Она медленно подняла на меня глаза. Они были тёмными, большими, и в них был не просто ужас перед вышестоящим существом. Был животный, панический страх, смешанный с ка-

ким-то суеверным трепетом. От этого взгляда мне стало не по себе, холодок пробежал по коже. Она быстро, почти не разжимая губ, что-то прошептала на своём языке. Я не поняла ни слова, но уловила одно и то же звуко сочетание, повторённое несколько раз нараспев, как молитву или заклинание: «Нут-тер... Нут-тер...» Потом, не дожидаясь больше ничего, она бросилась прочь, семеня ногами, чуть не уронив свой тяжёлый кувшин, и скрылась в боковом проходе. Я стояла, оглушённая этим коротким контактом, ощущая на себе её отчаянный страх, как физическое прикосновение. Сехем-Анх, услышав шорох её бегства, обернулся, его брови слегка приподнялись в вопросе.

— Что случилось?

Я обернулась к нему, всё ещё не в силах совладать с лёгкой дрожью.

— Кто... кто такая «Нут-тер»? — спросила я, выговаривая это странное сочетание звуков.

Он на мгновение задумался, его взгляд стал отстранённым, будто он искал точный перевод в памяти.

— «Нут», — начал он медленно, — это наше древнее слово для обозначения небесного свода, космоса, того, что над головой. «Тер» — это суффикс, обозначающий существо женского рода, происходящее от... или связанное с чем-то. Буквально... «Та, что с неба» или «Небесная». В более архаичном, сакральном смысле — богиня, спустившаяся со звёзд. Так теперь, — он сделал небольшую паузу, глядя

на меня, — будут называть тебя. Слухи распространяются быстро.

От этих слов, сказанных спокойным тоном, по моей спине прокатилась ледяная волна. Я посмотрела в сторону, куда сбежала перепуганная рабыня, потом на далёкие, сверкающие в багровых сумерках пирамиды за аркой, на высокомерные, ненавидящие лица знатных обитателей дворца, мелькавшие в конце коридора. Я была здесь не просто пленницей, не просто «сосудом». Я была символом. Иконой. Мифом, воплотившимся в плоти, которую одни будут боготворить из страха, а другие — ненавидеть из зависти, страха или презрения к её земному происхождению. И, судя по яду в глазах женщин и холодной настороженности мужчин, символом очень и очень нежеланным, угрожающим балансу их вымирающего общества. Мне стало страшно по-новому, глубоко и осознанно. Теперь я понимала, что реальная, физическая опасность грозила мне не только со стороны братьев с их миссией. Она была повсюду. В каждом взгляде, в каждом шепотке за спиной, в самом воздухе этого чужого, прекрасного и безжалостного мира. Я была иконой, а иконы либо обожествляют, либо разбивают вдребезги.

Глава 5

Каэм-Ра

Тронный зал «Сахема» был полон, но его наполняла не просто толпа — его наполняла сама суть нашей угасающей власти. Золотые жилы, вмурованные в стены из чёрного, отполированного до зеркального блеска обсидиана, пульсировали в такт низкому гулу силового ядра, но и в такт моему собственному, нарастающему раздражению. Свет от них отбрасывал на лица придворных движущиеся, зыбкие тени, делая их похожими на беспокойных духов из древних легенд. Передо мной, выстроившись в безупречный, полукруглый строй, стояли высшие сановники империи, те, кто осмеливался сомневаться. Военачальники в парадных, отлитых из серебристого металла кирасах, украшенных светящимися символами их кланов — Сокола, Змея, Шакала, Скорпиона. Жрецы в белоснежных, ниспадающих складками одеяниях, с посохами увенчанными кристаллами, в которых искрилась магия древней науки. Их лица, обрамлённые ритуальными накладными бородами, были бесстрастны, но я чувствовал их коллективную, осуждающую мысль. Вельможи, облачённые в ткани, сотканые из света и металлических нитей, с лицами, застывшими в масках почтительности, за которой, как под тонким льдом, булькало сомнение, страх перед переменами и, что самое опасное, скрытое неповиновение.

— Довольно этих витиеватых намёков, Имхотеп! — мой голос, усиленный скрытой акустикой зала, заставил вибрировать даже воздух, грохнув, как удар грома в подземной пещере.

Верховный жрец, старый и хитрый, как пустынная лисица, вздрогнул, но не опустил своих пронизательных золотистых глаз, в которых мерцал холодный свет тысячелетних знаний.

— Говори прямо, как подобает воину, а не гадателю на внутренностях. Ты и те, кто стоит за твоей спиной, — недовольны моим решением? Вы считаете, что я, Каэм-Ра, Страж Кольца, ошибаюсь?

— Повелитель, свет очей наших... — Имхотеп склонил голову в почтительном, но не покорном жесте, и его голос, несмотря на возраст, не дрогнул, звучал чётко и ядовито. — Мы все, твои верные слуги, понимаем гнетущую необходимость, что довлеет над нашим народом. Каждая пустая колыбель — это рана на теле империи. Но позволь усомниться в выбранном... материале. Землянка? Примитивное, едва вышедшее из пещер существо с заброшенной, пыльной планеты третьего круга? Её геном может быть нестабилен, непредсказуем, он не проходил вековой очистки и усиления. Риски... риски слишком велики. Одно дело — влить свежую кровь знатного рода, другое — черпать её из грязной лужи. Лучше уж продолжить попытки с дочерьми дома Нехбет или возобновить переговоры с Лирой...

— Дочери проклятого дома Нехбет рожают либо мёртвых

ящеров, чьи тела не могут удержать душу, либо уродов, чей разум гаснет к первому году! — я встал с трона, высеченного из цельного куска тёмного лазурита, и моё движение было резким, наполненным яростью. Сановники, как один организм, невольно отпрянули на полшага, ряды их дрогнули. — Их кровь, их плоть отравлены той же самой генетической ошибкой, той же слепотой, что и наша! Ошибкой, которую совершили наши великие и глупые предки, игравшие в богов на берегах того нильского ила тысячелетия назад! Мы искали спасение среди блистающих звёзд, среди рас, что считали себя нашими наследниками, а оно, спасение, всё это время прозябало в грязи, страхе и примитивной биологии того самого мира, с которого мы начали свой путь! Мы искали жемчуг в других морях, а наш единственный жемчуг всё это время валялся в пыли у наших ног!

Я сошёл с возвышения и прошёлся перед ними, чувствуя, как их страх — острый, липкий, почти осязаемый — окутывает меня, как плащ из тяжёлого шёлка. Это была не просто реакция; это была энергия, приятная тяжесть, подтверждающая мою власть. Они боялись не только за судьбу династии. Они боялись меня. И это было правильно.

— Программа сканирования длилась века, — продолжал я, останавливаясь и впиваясь взглядом в каждого по очереди. — Мы просеяли через сито генетического анализа миллиарды особей по всей Обитаемой Сфере. Она. Единственная. Её генетический маркер, тот самый рецессивный фраг-

мент, что мы вырезали у себя в погоне за совершенством, — чист. Нетронут. Он не был испорчен нашими манипуляциями, нашим падением, нашей гордыней. В ней, в этой девушке с бледной кожей и глазами, полными дикого леса, — единственный ключ к восстановлению женской линии Арат. Последний ключ, который не сгнил в замке. Вы предлагаете мне продолжать ломиться в запертую дверь сломанными отмычками?

— Но народ ропщет, Каэм-Ра, — вступил главный военачальник, Сет-Нехт, поднимая голову. Его ястребиный профиль с острым носом и тонкими губами был напряжён, а в глазах, цвета тёмной стали, читался не страх, а трезвый расчёт рисков. — Её уже называют «чужестранкой», «плебейской пылью». Клан Шакала открыто насмехается, клан Змея видит в этом оскорбление. Многие из старых семей, чья кровь текла в жилах твоих предков, не примут наследника, рождённого от неё. Они увидят в нём... гибрида. Неполноценного.

— Кланы примут то, что я, их повелитель, им прикажу принять! — я резко шагнул к нему, сократив расстояние до минимума, и заглянул в его жёсткие, не мигающие глаза. Моя тень накрыла его. — Их мнение, их предрассудки — это пыль, которую сдует первый же шторм необходимости. Или ты, Сет-Нехт, главный меч империи, сомневаешься в силе моей руки и воли заставить их склонить головы? Ты сомневаешься, что я смогу раздавить любое неповиновение, как

раздавил мятеж на Спутнике Хепри?

Мы стояли так несколько секунд, и напряжение в зале достигло предела. Пульсация в стенах казалась громче. Сет-Нехт первым опустил взгляд, склонив голову в признании не моей правоты, а моей непререкаемой силы.

— Нет, повелитель. Твоя воля — закон.

Я медленно, с презрением отвернулся от него, как от отраженного инструмента, и снова устремил взгляд на огромную голограмму нашей планеты, Хор-Дешета, что висела в центре зала, медленно вращаясь. Наши города-пирамиды, сверкающие островки в море красной смерти. Наши высохшие русла рек, наши консервированные сады под куполами. Наш великий, гордый, умирающий мир. И на его фоне — ничтожная, но такая важная точка, обозначающая корабль «Сахем» и ту, что в нём находится.

— Вы все, с детства зубрившие скрижали, помните пророчество Хепри, — произнёс я тише, но так, чтобы каждый уловил. — «Лишь земная, рождённая под жёлтым солнцем в забытом саду, принесёт равновесие крови и духа». Я не мистик, не жрец, цепляющийся за толкования, как некоторые из вас, — я бросил тяжёлый, уничтожающий взгляд на Имхотепа. — Но я не настолько слеп и высокомерен, чтобы игнорировать знак, который совпадает с данными наших сканеров с математической точностью. Она — не метафора. Она — материальное воплощение нашего последнего шанса.

Иного не будет. Следующего цикла для поисков у нас нет.

В памяти, против воли, всплыли образы других. Яркие, болезненные. Принцесса с Сириуса с кожей, светящейся в темноте мягким лунным светом. Её сначала гордый, потом надменный, а под конец — безумный, разрывающий тишину дворца смех, когда она наконец осознала, что её тело, такое совершенное, отказывается вынашивать чужеродное для него семя. Её пустые глаза перед тем, как жизнь ушла из них. Воительница с Плеяд, с телом, усиленным биокристаллами, сломавшая себе шею в отчаянной, бессмысленной попытке сбежать из своих роскошных покоев, предпочтя смерть позору бесплодия. Все они были сильны, чисты с точки зрения нашей догмы, чистокровны в своей избранности. И все — провалились, разбились о камень нашей общей аномалии.

Они были не решением, а частью проблемы, продуктом той же гнилой, самоуничтожающейся системы. А эта... эта землянка. Она была дикаркой. Примитивной, эмоционально нестабильной, непредсказуемой. Но в этой самой примитивности, в этой неотёсанности, возможно, и таилась её сила. Сила выживания, сила плодovitости, сила, которую не вытравливали селекцией. Сила, которую я должен был обуздать, направить, подчинить единой цели. Сделать из дикой лозы — культурным плодоносящим растением. Я повернулся к совету, моё решение, выкованное в горниле отчаяния и ярости, уже было неизменно, как курс звездолёта.

— Недовольство, ропот, скрытые намёки — всё это будет

подавлено. Сомнения, как сорняки, будут вырваны с корнем и уничтожены. Она — не принцесса для свадебных торжеств и не почётная гостя. Она — инструмент высшей необходимости. Биологический артефакт, требующий активации. И я сделаю её послушной. Я выжгу из неё этот страх, эту глупую тоску по грязному шарiku, который она называет домом. Я научу её истинному предназначению.

— Каким образом, повелитель? — осмелился спросить Имхотеп, и в его голосе прозвучал не вызов, а желание понять метод, чтобы предвидеть последствия. — Силой можно сломать, но не создать жизнеспособное. Страх — плохой союзник в таком... тонком деле.

— Ритуалом Проверки Крови, — холодно, отчеканивая каждое слово, произнёс я. — Древним, но точным. Он не только покажет чистоту её генома на клеточном уровне, но и станет первым, самым глубоким шагом к её... интеграции в нашу реальность. Я лично проведу его. Пусть она с самого начала почувствует не просто мощь технологии, а мощь той воли, того существа, кому теперь принадлежит её тело, её кровь и её будущее. Пусть поймёт, что сопротивление так же бессмысленно, как сопротивление силе тяжести.

В зале воцарилась тяжёлая, гробовая тишина, нарушаемая лишь гудением корабля. Все присутствующие, даже самые молодые, понимали, что это означало. Ритуал Проверки Крови был не просто медицинской процедурой. Это был древний, почти забытый обряд, сочетавший генетиче-

ское сканирование, глубокое психологическое давление и физиологическое совокупление. Он был жестоким, интимным, проникающим в самую суть. Испытанием на прочность как для тела, так и для неустойчивого духа примитивного существа. Для многих из присутствующих это звучало как чрезмерная жёсткость, но они уже не решались высказать это вслух.

— Совет окончен, — я вернулся на трон, занимая свою позицию в центре власти, давая понять, что дискуссия исчерпана и решение окончательно. — Готовьте всё необходимое. Я хочу, чтобы ритуал был проведён в следующие солнечные циклы. И чтобы на нём присутствовали вы все. Вы должны увидеть это своими глазами. Увидеть начало нашего возвращения.

Они поклонились и стали расходиться, выходя через огромные арки в стенах. Их шёпот, полный тревоги, недоверия и страха, ещё долго витал в воздухе, как запах тления. Я остался один в огромном, холодном зале. Голограмма планеты продолжала своё медленное, грустное вращение. Прекрасный, умирающий мир. И где-то здесь, в металлических недрах этого корабля-дворца, — единственная надежда, привезённая из другого мира. Заложница. Дикарка. Ключ.

«Я сломаю тебя, землянка, — подумал я, глядя сквозь голограмму в никуда, туда, где в моём воображении стояла она, с её дрожащими руками и горящими глазами. — Я выжгу из

тебя этот наивный страх и эту бесполезную непокорность и отолюю тебя заново, как отливают меч в горне. Я сделаю тебя тем, чем ты должна быть: идеальным, послушным орудием спасения моего народа. И если для этого придётся раздавить, размолоть в пыль твой примитивный, мятежный дух... что ж, это небольшая, ничтожная цена за грядущие тысячелетия жизни моей расы. Твоя душа в обмен на будущее целой цивилизации. Более чем справедливая сделка». И в этой мысли не было жестокости. Была лишь холодная, безжалостная арифметика выживания.

Глава 6

Юлия

Меня оставили одну ненадолго, и эта временная передышка была хуже любой пытки. Я сидела на краю нелепо широкого ложа и уставилась в багровое, чужое небо за огромной аркой. Две луны, медная и сизая, уже сместились по небосводу, отбрасывая новые, зловещие тени на сверкающие пирамиды вдаль. Внутри всё было пусто, выжжено страхом и непониманием. Слова Сехем-Анха о «необходимости» и «последнем шансе» крутились в голове навязчивой, бессмысленной каруселью, но не находили ни малейшего отклика в душе. Какой шанс может быть построен на грубом похищении, на лишении воли, на страдании невинного? Какая высшая «необходимость» может оправдывать превращение мыслящего, чувствующего человека в безгласный, пассивный инструмент, в сосуд, о котором говорят в третьем лице? Это была не логика, а извращение. Разум отказывался принимать такие основания. А сердце сжималось от бессильной ярости при одной мысли, что где-то там, в далёком Питере, меня уже ищут, считают пропавшей, а я здесь, в золотой клетке на краю вселенной, и мне предстоит стать... чем? Матерью для расы инопланетных аристократов? Генетическим донором? Вещью?

Дверь — точнее, часть стены — бесшумно растворилась.

На пороге, залитые светом коридора, стояли три жрицы. Те самые, чьи ядовитые взгляды я ловила ранее. Они были одеты в строгие, но дорогие белые одеяния с золотой оторочкой, их волосы скрывали высокие головные уборы в форме распростёртых крыльев коршуна. Лица, освобождённые от масок светского притворства, были теперь откровенно каменными, бесстрастными масками служительниц культа, выполняющих предписание. В руках у них были небольшие, но явно тяжёлые шкатулки из тёмного дерева и свёртки из тончайшего, переливающегося шёлка.

Одна из них, та, что была повыше ростом и чьи глаза на утреннем пути излучали самую концентрированную ненависть, сделала резкий, отрывистый жест рукой в мою сторону — «иди за нами». Её пальцы были длинными, тонкими, с идеальными ногтями цвета перламутра. Я не двинулась с места, вцепившись пальцами в край шёлкового матраса. Простота и наглость этого жеста возмутили меня сильнее любых угроз.

— Я никуда не пойду, — сказала я тихо, но так твёрдо, как только могла, глядя ей прямо в эти холодные, бездонные глаза. — Вы не имеете права меня трогать.

Высокая жрица лишь презрительно фыркнула, тонкие ноздри её прямого носа дрогнули. Она кивнула своим безмолвным спутницам. Те отложили шкатулки и, двигаясь с пугающей синхронностью, подошли ко мне с двух сторон. Их руки схватили меня выше локтей. Хватка была не просто

сильной — она была железной, безжалостной, не оставляющей никаких иллюзий о возможности сопротивления. Их пальцы впились в мою кожу. Я инстинктивно попыталась вырваться, дёрнулась, но это было как пытаться сдвинуть с места каменные статуи. Мои усилия вызвали лишь лёгкое, пренебрежительное усилие с их стороны.

— Отстаньте! Оставьте меня! Отпустите! — закричала я.

Они проигнорировали крики. Просто развернулись и потащили меня за собой, как мешок с зерном, не обращая внимания на моё сопротивление. Мои босые ноги скользили по гладкому полу.

Мы быстро прошли по знакомым и незнакомым коридорам, миновали несколько арок, и наконец вошли в помещение, от которого сразу повеяло влажным, густым теплом и странным, сладким запахом. Я успела мельком заметить высокий, сводчатый потолок, прежде чем внимание полностью захватило то, что было в центре. Это был огромный, прямоугольный бассейн, высеченный, казалось, из цельной глыбы молочно-белого, полупрозрачного камня, в котором мерцали прожилки золота. Вода в нём была непрозрачной, густой, молочно-белой, с перламутровым отливом, и от неё исходил тот самый аромат — смесь парного молока, мёда, цветов и какой-то пряной, незнакомой смолы.

Жрицы, не говоря ни слова и не церемонясь, одной ловкой, скоординированной движением сорвали с меня тунику. Воздух коснулся кожи холодным поцелуем, и я почувство-

вала унижение, острое и жгучее. Прежде чем я успела прикрыться руками, они с силой столкнули меня в воду.

Я погрузилась с головой, захлебнувшись и ожидая леденящего шока, но вода оказалась не просто тёплой — она была почти горячей, обжигаяще приятной и невероятно густой. Она обволакивала тело, как жидкий шёлк. Я вынырнула, отчаянно кашляя и выплёвывая странную на вкус жидкость. Ко мне в бассейн, даже не сняв своих одежд, которые чудесным образом, казалось, отталкивали воду, спустились две другие жрицы. В руках у них появились губки из какого-то волокнистого материала и сосуды с маслами. Они начали мыть меня. Их прикосновения были быстрыми, методичными, и совершенно безразличными. Они терли мою кожу, промывали волосы той же белой жидкостью, втирали ароматные масла с запахами сандала, мирры и чего-то горько-сладкого. Я сидела, скрестив руки на груди, сжавшись в комок, пытаюсь сохранить хоть каплю достоинства в этой унижительной процедуре, но чувствовала себя именно вещью — драгоценной вазой, которую тщательно очищают и натирают перед тем, как выставить на торги или использовать по назначению.

После омовения, которое длилось недолго, но показалось вечностью, меня вытащили из бассейна. Меня обтерли большими, невероятно мягкими и впитывающими полотенцами, а затем приступили к одеванию. Новое платье, которое они извлекли из одного из шёлковых свёртков, заставило меня внутренне содрогнуться. Оно было сплетено, казалось, из

тончайших, живых золотых нитей, которые мерцали и переливались при каждом движении. Оно почти не весило, но при этом, когда его на меня натянули, плотно, как вторая кожа, облепило каждую линию моего тела. Ткань была полупрозрачной, оставляя катастрофически мало для воображения, лишь слегка приглушая тон кожи и намекая на то, что под ней. Платье было без рукавов, с глубоким вырезом на груди и спине, и застёгивалось где-то сбоку сложным золотым зажимом в форме скарабея. Затем последовали украшения: тяжёлое, массивное ожерелье на шею из чередующихся золотых пластин и вставок бирюзы и тёмно-синего лазурита, браслеты на запястья и выше локтей, кольца на пальцы, даже тонкая, изящная цепь с маленьким солнцем на лодыжку. Волосы, ещё влажные, уложили в какую-то невероятно сложную причёску, заплетая пряди и вплетая в них тончайшие золотые нити и крошечные бусины из того же лазурита. Жрицы работали молча, быстро, их лица оставались непроницаемыми.

Когда всё было закончено, одна из жриц подвела меня к стене, где висела большая, идеально отполированная золотая пластина, служившая зеркалом. Я посмотрела на своё отражение и не узнала себя. Из отражения смотрела не я, не Юля из Петербурга. Смотрело некое экзотическое, роскошное существо, похожее на ожившую статую из гробницы фараона. Лицо было бледным, глаза огромными и тёмными от страха и усталости, губы естественного цвета казались ярким пят-

ном на этом фоне. Золото, бирюза, лазурит — всё сверкало, переливалось, кричало о ценности и предназначении. Я была похожа на куклу. Дорогую, изысканную, тщательно подготовленную ритуальную куклу. Готовую к тому, чтобы её использовали в неведомом действе.

— Зачем это? — вырвалось у меня. Я повернулась к главной жрице, которая наблюдала за процессом со сложенными на груди руками. — Что вы собираетесь со мной делать? Что это за представление?

Она посмотрела на меня — долгим, оценивающим взглядом, и в её глазах, этих бездонных колодцах высокомерия, на мгновение мелькнуло что-то иное, кроме привычной ненависти. Что-то вроде... усталой жалости. Словно она видела не дерзкую чужестранку, а ягнёнка, которого ведут на заклание, и в её заскорузлой душе шевельнулся остаток чего-то человеческого. Но это мгновение тут же исчезло, смытое ледяной волной долга и, возможно, личной неприязни.

— Хат-Нефер... — тихо, почти нараспев произнесла она, указывая длинным пальцем на меня, на моё платье, на украшения. — Хат-Нефер... — и затем она повернула палец к двери, в коридор. Потом она сложила руки особым жестом, ладони вместе, пальцы вытянуты вверх, как бы в молитве, и, глядя куда-то поверх моей головы, произнесла чётко и ясно — Сахем-Ра анх уджа.

Это был не тот язык, что я понимала благодаря имплан-

там, это было сказано на каком-то совсем древнем наречии. Но значение я поняла. «Народ Ра должен жить» или «Да живёт народ Ра». Всё это — омовение, одевания, украшения — всё ради их народа. Ради выживания. Меня готовили не к простому осмотру или беседе. Меня готовили к чему-то сакрально-важному, ритуальному. И что-то в её тоне, в её взгляде, в этой мгновенной вспышке жалости говорило громче любых слов: сопротивляться тому, что будет дальше, бесполезно.

Жрицы снова взяли меня под руки, уже без прежней грубости, но с неумолимой решимостью, и повели дальше, вглубь комплекса. Мы миновали ещё несколько переходов, и вошли в помещение, которое заставило меня остановиться, даже несмотря на их напор. Это был огромный, цилиндрический зал, уходивший ввысь на сотни метров, казалось, до самого купола корабля или дворца. Стены были чёрными, усыпанными крошечными светящимися точками, имитирующими звёздное небо. В центре возвышалась пирамида. Небольшая, сложенная из идеально подогнанных, отполированных до зеркального блеска блоков чёрного базальта или обсидиана. Каждый блок был испещрён мельчайшими, светящимися золотом иероглифами. На её вершине находилось плоское, квадратное пространство, явно предназначенное для того, чтобы на нём лежал... кто-то. Это было место силы, алтарь, жертвенник. И, судя по всему, жертва на нём должна была лежать именно так, на спине, глядя в звёздный

потолок.

Тут я услышала голоса. Знакомые, уже успевшие врезаться в память. Они доносились из-за ряда массивных, резных колонн, окружавших пирамиду. Каэм-Ра и Сехем-Анх. Они спорили, и их голоса, обычно такие сдержанные, звучали с такой страстью, что слова долетали до меня. Каэм-Ра был зол, его низкий голос вибрировал от сдерживаемой ярости, а Сехем-Анх — пытался его в чём-то убедить, и в его тоне слышались отчаяние и напряжение.

— ...слишком жестоко для первого раза! Это может нанести непоправимый ущерб её психике! — это был голос Сехем-Анха.

— Она должна понять своё место, всю окончательность своего положения с самого начала! С первого же касания! — прогремел в ответ Каэм-Ра, и где-то упал что-то металлическое, со звоном. — Нежность сейчас — это яд!

— Ты можешь сломать её дух! А без воли, без того самого огня, что мы в ней ищем, всё будет напрасно!

— А ты можешь погубить нас всех своей мягкотелостью и сентиментальностью! — рявкнул Каэм-Ра. — Ей нужно чётко понять свою роль! Твоя нежность, твои попытки «объяснить» — она увидит в них слабость! Увидит возможность для манёвра! Этого нельзя допустить!

— Пророчество гласит... — начал было Сехем-Анх, но его грубо перебили.

— К чёрту пророчества и тех, кто их выдумал! — проши-

пел Каэм-Ра с такой ненавистью, что мне стало холодно. — Я действую так, как диктует необходимость и холодный расчёт! И она подчинится!

Я замерла, слушая их спор, кровь стучала в висках. Жрицы тоже остановились, опустив глаза и затаив дыхание, всем своим видом показывая, что становятся невидимыми. Они понимали, что происходит. И я поняла тоже. Всё разом встало на свои места. Церемониальное омовение. Эти полупрозрачные, обтягивающие одежды, больше похожие на наряд для свадебной ночи. Алтарь в виде пирамиды. Их спор о жестокости и нежности, о сломе духа и о роли. Этот «ритуал Проверки Крови», о котором говорил Каэм-Ра... он был связан не просто с забором образца. Он был связан с самой глубокой, самой интимной близостью. Меня готовили не к осмотру. Меня готовили к тому, чтобы отдать себя. Одному из них? Или... обоим? Согласно их варварским обычаям? От этой мысли, такой ясной и неотвратимой, кровь буквально застыла в жилах, а в глазах потемнело. Жрицы, заметив мою бледность и оцепенение, снова тронули меня за локоть, мягко, но настойчиво указывая идти дальше, к подножию чёрной пирамиды, к месту, где, казалось, сам воздух сгущался в ожидании жертвы.

Дорогие читатели!

Приветствую вас на странице литмоба “ Египетская сила”
Вас ждут 18 горячих романов!

ЕГИПЕТС СИЛА

КНИГИ МОБА:

“Пленница звездного трона”

“Кровь сияющих пирамид”

“Это сказал фараон”

“Сладкий вкус страсти”

“Пленница Анубиса: Взломать сердце бога”

“Под властью бессмертного”

“Пробуждение. Зов пустыни”

“Тот кто внутри”

“Лотос гепарда”

“Владычица полей Иалу”

“Оракул Анубиса. Или монстр моей души”

Приятного чтения!

Глава 7

Сехем-Анх

Я наблюдал за ней, скрытый тенью одной из массивных колонн, прежде чем выйти. Она стояла у самого подножия ритуальной пирамиды, залитая церемониальным светом, и дрожала. Это была мелкая, глубокая, неконтролируемая вибрация загнанного в абсолютный тупик зверька, у которого не осталось ни сил для бегства, ни ярости для борьбы. Её плечи были подняты и напряжены до предела, кулаки сжаты. Жрицы, выполнив свою роль, удалились бесшумными тенями, растворившись в проходах между колоннами, оставив нас одних в гнетущей, звонкой тишине святилища. Спор с братом ещё висел между каменными глыбами, как незаконченная, опасная фраза, как угроза, которая вот-вот материализуется.

Каэм-Ра ушёл несколько минут назад, и его уход был демонстрацией силы. Он удалился, хлопнув скрытой панелью с таким звуком, что даже неподвижные стражи у входа едва заметно вздрогнули. Он хотел быть первым. Он видел в этом ритуале не акт единения, а акт подчинения, церемонию слома, которую необходимо провести именно здесь, на этом чёрном, бездушном камне, под звёздным потолком, чтобы отпечатать в её сознании навсегда: ты — собственность. Но я, наблюдая сейчас за её дрожащей спиной, не мог этого до-

пустить.

Я сделал шаг из тени в свет. Она вздрогнула всем телом и отпрянула, прижимаясь спиной к холодной, полированной поверхности пирамиды. Её глаза, огромные от неподдельного, животного страха, были прикованы ко мне. В них не было ненависти, которую я видел у других, — только чистое, бездонное отчаяние.

— Уходите, — её голос сорвался. В нём была мольба. — Пожалуйста... не надо... не трогайте меня...

— Я не причиню тебе боли, Юлия, — я сказал тихо, делая голос максимально мягким, каким только мог.

Остановился в паре шагов от неё, не сокращая дистанцию внезапно. Затем медленно, плавно протянул к ней руку, раскрыв ладонь вверх — жестом, который, как я знал из архивных данных о её культуре, мог означать мир, отсутствие оружия, предложение.

— Я пришёл не как палач и не как насильник. Смотри на мои руки. В них нет оружия.

Она перевела взгляд с моего лица на мою открытую ладонь, потом снова в глаза, выискивая ложь, подвох, скрытую угрозу. Её грудь быстро вздымалась под золотой тканью, дыхание было частым, поверхностным, прерывистым — дыхание паники.

— Зачем тогда всё это? — выдохнула она. — Этот... кошмар... этот ритуал... Вы все хотите одного и того же! Взять

то, что вам нужно!

— Нет, — я покачал головой, всё так же не двигаясь с места, позволяя ей привыкнуть к моему присутствию, к тому, что я не бросаюсь на неё. — Каэм-Ра хочет подчинения. Я же... я хочу, чтобы ты поняла. Не как пленница, загнанная в угол. А как женщина, стоящая перед неизбежным. Ты не должна бояться того, что по своей природе должно принести новую жизнь, а не смерть. Страх отравляет всё.

Я медленно, давая ей время отреагировать, отпрянуть или закричать, приблизился ещё на один шаг. Теперь я уже мог чувствовать исходящее от неё тепло, тонкий, сладковато-пряный запах масел, которыми её натерли жрицы — смесь лотоса, шафрана и чего-то неуловимого, чисто земного, её собственного запаха. Я поднял руку и медленно, давая ей возможность отклониться, коснулся кончиками пальцев её щеки. Кожа под моими пальцами была невероятно бархатистой, тёплой, живой — такой контраст с холодным камнем и металлом, что окружал нас.

Она зажмурилась, вся внутренне сжалась, её плечи поднялись ещё выше, она явно ожидала грубости, удара, резкого движения. Но я лишь провёл подушечкой пальца по высокой линии её скулы, затем мягко провёл по виску, убирая выбившуюся из сложной причёски прядь тёмных волос. Прикосновение было почти невесомым.

— Ты не на алтаре для жертвоприношения, — прошептал

я, наклоняясь чуть ближе, чтобы мои слова были только для неё. — И я не жрец, пришедший забрать твою душу в обмен на милость богов. Позволь... позволь мне просто показать тебе. Как мужчина.

Я не стал ждать согласия, понимая, что в её состоянии оно невозможно. Вместо этого я наклонился и очень мягко, прикоснулся губами к её. Губы под моими были сухими, слегка потрескавшимися от стресса, и совершенно неподвижными. Она вся застыла, превратилась в статую. Я не отстранялся. И затем, через несколько вечных секунд, я почувствовал микроскопическое изменение. Глубокое, сдавленное дыхание чуть выровнялось. Чудовищное напряжение в её плечах, которое я видел и чувствовал всем своим существом, начало — слегка ослабевать. Она не отвечала на поцелуй, но и не отталкивала, не отворачивалась. Это была первая, крошечная брешь в стене её ужаса.

Ободрённый этим, я осторожно обнял её, просто притянул к себе, дав ей почувствовать себя. Её тело было удивительно податливым, но я чувствовал, как тревожно бьётся её сердце — этот бешеный ритм отдавался через тонкую ткань и в мою грудь. Я снова поцеловал её, на этот раз чуть глубже, настойчивее. И вот — о чудо, которого я почти не смел ждать, — её губы дрогнули. Сначала это была почти незаметно, лёгкое движение в ответ на давление. Потом она сама начала отвечать. Её ответ был робким. Сознательный или инстинктивный — неважно.

Мои руки, до этого лежавшие на её спине почти неподвижно, начали медленно скользить. Я чувствовал под тончайшей золотой тканью каждый позвонок, каждую впадинку. Я вёл её, медленно, нежно, будто танцуя с самым хрупким существом во вселенной, давая ей время осознать каждое новое ощущение: тепло моих ладоней, твердость моих мышц под одеждой, ритм моего дыхания.

Затем я опустил голову и коснулся губами её шеи, в том месте, где пульс стучал, как крылья пойманной птицы. Мои губы были тёплыми, а её кожа — горячей. Она издала тихий, сдавленный, почти стонущий звук выдоха, и её голова запрокинулась назад, открывая мне большую поверхность нежной кожи. Это была капитуляция тела, ещё не осознанная разумом. Я продолжил, оставляя лёгкие, почти воздушные поцелуи вдоль шеи к ключице, чувствуя, как её дыхание становится глубже, а дрожь в теле меняет характер — с дрожи страха на дрожь пробуждающегося, смутного возбуждения, с которым она явно не знала, что делать.

Не прекращая ласкать её шею губами, я аккуратно, плавно поднял её на руки. Она была удивительно лёгкой, и на мгновение обвила мою шею руками, инстинктивно ища опоры. Я отнёс её не к чёрному, отполированному алтарю пирамиды, который маячил как угроза, а к ложу из мягчайших, дымчатых шкур, которое было приготовлено в тени колонн — менее официальное, более интимное место.

Я уложил её на эти шкуры, и они приняли её форму, оку-

тав теплом. Я последовал за ней, не наваливаясь всем весом, а продолжая ласкать её губы, шею, обнажённые плечи, грудь, пока мои пальцы расстегивали сложный золотой зажим-скарабей сбоку на её платье. Ткань, струившаяся как жидкий металл, сама мягко соскользнула с её тела, обнажая кожу, которая в полумраке святилища сияла, как перламутр, подёрнутый золотистым отсветом от стен. Я видел, как она смотрит на меня — уже не зажмурившись, а широко раскрыв глаза. И в этих глазах, таких глубоких и тёмных, уже не было чистого страха. Было смятение, растерянность, но также — проблеск предвкушения, желания.

Я был медленным и бесконечно внимательным. Каждое прикосновение моих рук, каждый поцелуй моих губ, каждое движение моего тела было посвящено одной цели: заставить её забыть, где она находится, кто она и кто я. Я исследовал её тело как неизведанную, драгоценную реликвию, находил те места, которые заставляли её вздрагивать, затем — тихо стонать, когда по ней прокатывалась волной нового, непривычного удовольствия. Мои пальцы скользили по губы касались сначала сосков, затем — чувствительной кожи на внутренней стороне бёдер. Она реагировала на всё это с тихим, всё нарастающим стоном, её дыхание становилось прерывистым от нахлынувших ощущений.

И когда момент нашей полной близости стал неизбежным, когда её тело, уже влажное от возбуждения и расслабленное ласками, было готово, я вошёл в неё. Была боль — краткая,

острая, я видел, как её лицо исказила гримаса, чувствовал, как её внутренние мышцы судорожно сжались. Я замер, не двигаясь, ждал, пока боль отступит, пока её дыхание не выровняется. И только тогда, когда её тело само подало знак — лёгкое, почти неуловимое движение навстречу, — я начал двигаться. Медленно, плавно, постоянно следя за её реакцией в полумраке, читая малейшую перемену в её дыхании, в выражении глаз, в напряжении мышц.

И постепенно, волшебным образом, всё изменилось. Её тихие, сдавленные всхлипывания сменились глубокими, идущими из самой груди стонами, в которых появились первые нотки удовольствия. Её тело, сначала пассивно принимавшее мои движения, начало открываться, отвечать, искать свой собственный ритм. Её руки, до этого лежавшие по сторонам или сжимавшие шкуры, обняли меня, её пальцы вцепились в мои плечи, чтобы притянуть ближе. Её ноги, сначала скрещенные в попытке защиты, разомкнулись, а затем обвили вокруг моих бёдер, помогая, направляя. Она уже не была жертвой. Она была соучастницей. И когда волна нахлынула на неё, сметая все остатки страха и контроля, она вскрикнула — негромко, но очень звонко, и этот звук был полон освобождения. И её глаза, в момент кульминации широко распахнутые, были полны истомы.

После этого она лежала, прижавшись ко мне щекой, её дыхание, сначала частое и прерывистое, постепенно выравнивалось, становилось глубоким и ровным. Я чувствовал под

своей ладонью, как её тело, теперь стало полностью расслабленным, мягким, тёплым и удивительно тяжёлым.

И глядя на её закрытые веки, на тёмные ресницы, отбрасывающие тени на щёки, я поклялся себе в полной, безмолвной тишине святилища: я сделаю всё, что в моих силах, чтобы защитить этот свет. Чтобы он не погас под грубым натиском необходимости, под холодным расчетом моего брата. Даже если ради этого придётся встать на путь противостояния с ним.

Глава 8

Юлия

После той ночи с Сехем-Анхом мир не перевернулся. Меня не освободили. Золотые стены моих покоев не растворились, открыв внезапно желанный, серый и мокрый вид на родной Петербург. Две луны по-прежнему висели в багровом небе, и леденящий холод чуждой архитектуры пронизывал всё вокруг. Но что-то внутри меня, в самой глубине, где прячется последний оплот личности, сдвинулось с мёртвой точки. Я всё ещё была пленницей, заложницей, «сосудом» в их глазах, но теперь я знала, что не всё в этом чужом, безжалостном мире стремится меня сломать, унижить, стереть в порошок. Была в нём и тень защиты. Или, по крайней мере, отсрочки. Возможность передышки. И эта возможность носила имя и лицо — Сехем-Анх. Его нежность, его попытка видеть во мне человека, а не функцию, стала тем слабым лучом, за который мое сознание ухватилось, чтобы не сорваться в абсолютную пропасть безумия.

Мне, как следствие той ночи или как часть некоего плана, позволили больше свободы передвижения. Теперь я могла выходить из своих покоев в определённые часы. Меня всегда сопровождала одна из жриц — с совершенно пустым, каменным лицом, на котором не отражалось ровным счётом ничего. Она не говорила ни слова, лишь указывала направление

лёгким движением головы и неотступно следовала в двух шагах сзади, как страж моей несвободы. Я бродила по бесконечным, ослепительным галереям, останавливалась у огромных арок, впитывая вид багрового неба и фантасмагорических, геометрических городов, пытаясь понять непостижимые законы этого места, его логику, его слабые места. И везде, в каждом зале, на каждом переходе, я ловила на себе взгляды. Десятки, сотни взглядов.

Мужчины — воины в блестящих доспехах, вельможи в струящихся одеждах — смотрели на меня с холодным, аналитическим любопытством. Они оценивали, взвешивали, сканировали, как смотрят на новый, редкий и дорогой трофей, чья цена ещё не определена окончательно. В их глазах читался вопрос: «На что она способна? Выдержит ли? Принесёт ли результат?» Их взгляды были терпимыми, но в этой терпимости сквозило такое высокомерие, такое чувство превосходства, что становилось не по себе. Я была для них экспериментом, ходячей надеждой, но не человеком.

Иначе смотрели женщины. Они попадались мне реже — словно их намеренно держали вдали от маршрутов моих прогулок. Но когда наши пути пересекались, это всегда был удар по нервам. Они были невероятно изящны, с идеальными причёсками, в драгоценностях такой сложности и тонкости работы, что каждое украшение стоило бы целого состояния на Земле. Но пустота в их глазах была куда страшнее. Наложницы. Я поняла это интуитивно, по тому, как они смот-

рели на меня, по той атмосфере зависти и ненависти, что витала вокруг них, густая, как парфюм. Если взгляды мужчин были холодными, то их — раскалёнными докрасна от незаметной ненависти. Они не считали нужным это скрывать. Когда я, сопровождаемая своей немой тенью, проходила мимо их маленьких группок, они замолкали в середине фразы, их красивые, бесстрастные лица вдруг искажались гримасами презрительных, кривых усмешек, а когда я отходила на достаточно расстояние, за моей спиной немедленно поднимался шепот. Шипящий, ядовитый, словно из гнезда разозлённых змей. Он преследовал меня по коридорам, забирался в уши, от него не было спасения.

Сначала я не понимала слов. Языковой имплант переводил их речь, но их быстрая, насыщенная намёками и особым жаргоном гаремной жизни речь была полна словечек и оборотов, прямой смысл которых ускользал от меня. Но постепенно, день за днём, слушая этот ядовитый шёпот, я начала улавливать суть. Мозг сам складывал обрывки в чудовищную мозаику.

«...смотрите, смотрит вокруг, как будто сама из чистого золота отлита, а пахнет-то грязью и потом...»

«...Сехем-Анх, видно, совсем соскучился по дикаркам, раз позволяет этой бродить на виду... Как будто выводит её на прогулку, как диковинного зверька...»

«...пустышка. Глупая пустышка. Думает, раз Каэм-Ра по-

ка позволил ей дышать нашим воздухом, она уже почти царица на троне... Смешно.»

«...ни рода, ни племени. Ничего за душой. Грязнокровка. И только.»

Слово «грязнокровка» — на их языке «хеси» — я слышала чаще всего. Оно резало слух, вбивалось в сознание, как заноза. Оно отбрасывало меня в самый низ их иерархии, делало даже ниже тех безмолвных, испуганных рабынь, что мыли полы или несли кувшины. Оно отрицало во мне всё: право на уважение, на сострадание, на само существование здесь. Я была нечистой. Чужеродной примесью. И они, чистые крови, смотрели на меня как на инфекцию.

Однажды, после особенно долгой прогулки, я сидела на низкой каменной скамье у одной из огромных арок, наблюдая, как сизая, мёртвая луна медленно наползает на медно-красную, частично закрывая её холодным светом. В руках у меня была чаша с каким-то сладким, терпким напитком, который мне молча подала жрица-тень. Я пила его маленькими глотками, стараясь отвлечься от тягостных мыслей, когда ко мне, нарушая негласное правило дистанции, подсели две наложницы. Я узнала их — они часто были вместе. Одна — с кукольным, нереально совершенным лицом и большими глазами цвета тёмного мёда, казавшимися добрыми, пока в них не вспыхивал холодный огонёк. Другая — более худая, с острыми чертами и хищным, оценивающим взглядом охотницы. Я напряглась.

— Тебе нравится вид, Нут-тер? — сладко, почти певуче спросила первая, та, что с глазами мёда. Я уже знала, что её зовут Небет. Её голос был как шёлк, натёртый ядом.

— Он... необычный, — осторожно, нейтрально ответила я, не поворачивая к ней головы полностью, следя за ней боковым зрением.

— О, да, несомненно, — тут же вступила вторая, Хекет. Её голос был выше, резче. — Для тех, кто привык к своим зелёным полям и грязным, тёплым рекам, наш красный, вечный песок, должно быть, кажется настоящим адом. Таким пустым и безжизненным.

— Я не говорила, что он мне не нравится, — парировала я. Жрица-тень стояла в трёх метрах, уткнувшись взглядом в пол, делая вид, что её нет.

— Конечно, конечно, как же иначе, — Небет сделала маленький, изящный глоток из своей собственной, крошечной перламутровой чаши, которую она, казалось, достала из ниоткуда. — Ты ведь теперь здесь надолго. Если, конечно, выдержишь. Наш климат, наша пища... наша атмосфера. Не каждое создание к этому приспособлено.

Я медленно повернулась к ней, встречая её медовый взгляд. В нём плавала фальшивая, сладкая забота.

— Что вы имеете в виду? — спросила я, хотя прекрасно понимала, куда она клонит.

— О, ничего особенного, милая, — она беззвучно рассме-

ялась, и её смех был похож на шелест сухих листьев. — Просто... с другими это случалось. С теми, кого привозили до тебя. Они ведь тоже были особенными, избранными. Из самых знатных родов Сириуса и Плеяд, между прочим. Не чета какой-то земной... грязнокровке.

Хекет кивнула рядом, её острый подбородок колол воздух, как кинжал.

— Одну, помнится, хватило на полгода. Потом её разум не выдержал чести. Она начала видеть тени, говорить с несуществующими духами. Её пришлось изолировать. Другую... ту и вовсе нашли бездыханной в её покоях. Прекрасное создание. Говорят, её сердце, слишком утончённое, просто не справилось с грузом предназначения. Сгорело, как мотылёк в пламени.

Они смотрели на меня, не мигая, и в их глазах читалось откровенное, голодное ожидание. Они ждали, когда дрогнет моя губа, когда задрожит рука, когда в моих глазах вспыхнет ужас, что они, вероятно, видели у других. Они ждали, когда я сломаюсь. Ждали моей смерти, как избавления от позора моего присутствия. В груди что-то закипело. Не страх, а что-то тёмное и горячее. Я поставила чашу на камень рядом.

— Мне жаль их, — сказала я, заставляя свой голос звучать ровно, холодно, почти так же, как у них. — Но я не они. Я выросла не в хрустальных дворцах. Мой мир учит выживать.

Небет наклонилась ко мне чуть ближе, и её сладкий, про-

питанный ядом голос стал тише, интимнее, отчего каждое слово впивалось глубже.

— Милая, глупенькая девочка. Ты думаешь, твой нежный Сехем-Анх будет вечно прикрывать тебя? Он мягок. Слишком мягок для времени, в которое мы живём. А Каэм-Ра... — она многозначительно усмехнулась, обменявшись взглядом с Хекет. — Каэм-Ра видит в тебе функцию. Красивую, возможно, полезную, но функцию. А вышедшие из строя функции, которые не выполняют свою задачу... их не чинят. Их утилизируют. Аккуратно и без лишнего шума.

Они поднялись как одна, их движения были изящными и синхронными. Небет бросила на меня последний, полный фальшивой жалости взгляд.

— Наслаждайся видом, Нут-тер. Пока можешь.

И они ушли, скользя по полированному полу, как две ядовитые змеи, оставив после себя шлейф дорогих духов и леденящее душу, откровенное предупреждение. Их слова были отточенными иглами, вонзившимися точно в едва затянувшуюся рану того хрупкого доверия и иллюзии безопасности, что подарила мне ночь с Сехем-Анхом. Они знали, куда бить. Они играли на моих самых глубоких, основных страхах: быть брошенной, быть ненужной, быть уничтоженной, как бракованный предмет. И на моём абсолютном, всепоглощающем одиночестве в этом враждебном мире.

Я вернулась в свои покои, но ощущение опасности не покидало меня, не растворялось в знакомой золотой тесноте.

Оно витало в самом воздухе, исходило от стен, которые, казалось, впитывали и хранили все ядовитые шёпоты. Раньше я боялась в основном братьев, двух полюсов власти, от которых напрямую зависела моя судьба. Теперь я с ужасающей ясностью понимала — моих врагов здесь, в этих сверкающих залах, гораздо, неизмеримо больше. И их оружие было куда тоньше и опаснее видимого. Их оружием были шёпоты в полумраке, многозначительные намёки, улыбки, полные скрытых угроз, ядовитые слова, подкрадывающиеся к тебе в самый, казалось бы, спокойный момент и отравляющие изнутри.

Я стояла посреди своей золотой комнаты, не двигаясь, и чувствовала, как по телу разливается не холод страха, а нечто иное. Гнев. Они хотели, чтобы я сломалась? Мечтали увидеть, как я, очередная «избранная», умру от страха, от тоски, от их психологического прессинга? Хотели, чтобы я сама начала верить в свою неполноценность, в свою обречённость? Что ж. Они ошиблись в самой основе. Они не знали, кто я. Я выжила в питерских студенческих общагах с вечно пьяными соседями и ворами в законе на лестничной клетке. Я прошла через ад зимней сессии на одном кофе и воле к победе. Я была упрямой, как сибирский валенок, и цепкой, как питерский сорняк, пробивающийся сквозь асфальт. И если уж мне было суждено умереть в этом золотом, беспощадном аду на краю галактики, то я, по крайней мере, не собиралась делать это быстро, тихо и удобно для них. Не собиралась да-

вать им такого удовольствия.

Глава 9

Каэм-Ра

Отчёты о добыче руды в астероидных поясах, энергетические балансы городов-пирамид, биометрические показатели экипажа. И среди этого потока информации — отчёт службы безопасности. Краткий, сухой. «Зафиксирован контакт объекта „Юлия“ с индивидами

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.